

1 место

[Ина Голдин, Париж \(Франция\). "Сосновице"](#)

Богоматерь мертвых

У отца Ежи
Холодная церковь
Пустые скамьи
Аляповатый портрет Богородицы
Ничуть не похожий на Ченстоховску
Богородица роняет слезы

Говорят, это просто чад и краска
У отца Ежи
Одинокая служба
Тяжелое время, Познань, пятьдесят шестой
Он не вмешивается
Не знает
Забыл
Спрятался
Иногда к отцу Ежи
Приходят мертвецы
Замерзшие, в рваной военной форме
Мертвецы греют о свечки руки
Преклоняют колени перед Матерью
Зачерпывают прозрачной ладонью
Святую воду
Мертвецы не знают, что они мертвы
У отца Ежи сердца не хватает - сказать
Он исповедует
Причащает
Творит над всеми одинаковый ритуал
Отпускает их в тепло и на волю
У кого какая работа, у отца Ежи - солдаты
Недавних и давних войн
Не сиделось же людям
Вчера вот пришел один
Веселый, продрогший
Все время чесал затылок - пуля скребется
Спрашивал, как найти
Партизанский отряд
Отец Ежи приходит к семьям
Черный, как траурная лента
К тем, кто ждет - чтоб больше не ждали
Вдовы смотрят сквозь
Крестятся, как от греха
Иногда в церкви
Появляются дети
Тощие, грязные, со стариковскими лицами
Здесь таких полно
Съеживаются на скамейках, смотрят на Мать
Они виноваты в Ее слезах
Распяли Ее сына - им так сказали
Эти дети не его ведомства
Но отец Ежи только вздыхает
Не выгонишь же на улицу
У Нее на глазах
Так и работают - отец Ежи и пани Марыля

В выставшей, давно разрушенной церкви
Отца Ежи когда-то зарубили пруссаки
Всего-то дел - отказался венчать

Как-то раз в его церковь зашел живой
Поставил свечу Богоматери
Помолился.

2 место

[Ина Голдин, Париж \(Франция\). "Сосновице"](#)

Урочный час

В урочный час
Послышится зов:
Выходите, выходите!
Прокатится
По подвалам, заброшенным домам, разукрашенным погостам
Другие не слышат
Услышат - подумают
Дети собирают в игру
Вытянув большой палец
Ходят по двору
Кличут своих
Свои поднимаются
Выходят из подвалов, домов, погостов
Тянутся к условленному месту
Вспоминают
Как отмечали: каплями крови, пригоршнями пепла
Чтоб не потеряться
Капли склевали годы, пепел унес ветер
Находят
Все равно
Приходят семьями
За каждым - длинная очередь призраков
Толпятся, высматривают друг у друга из-за плеча
За ними
Длинная линия рельс
Призраки
Хлопают друг друга по спине, узнают, здороваются, сколько лет
Дети
Прыгают по рельсам
Ждут
Вот мы, мы пришли, мы собрались

Мы здесь
И тогда
Поднимают головы к солнцу
Которого теперь не боятся
Топчут новую землю
(Старую - шепчут призраки)
Смотрят
Как взмывает в небо
Когда-то сожженный флаг.

3 место

[Ирина РЕМИЗОВА, Кишинев \(Молдова\). "Розы дольные"](#)

Сон млечный

На закате пугали пеструху:
на ветру распустив рукава,
пролетели у самого брюха,
не вспоров - процарапав едва.
Не упало ни капли молочной
в земляные сухие уста.
Намечталось ватрушек и сочней -
только печь горяча да пуста.

Померещилось - камушком плоским
ледяная играет вода.
Это просто поёт горихвостка
в потаённом углу у гнезда.
В конопле, в типчаке, в курослепе
увязая, в черешневый сад
пробираются ловчие степи
на копытцах сверчков и цикад.

За холмом, где улитками дачи
заплетаются в узел тугой,
встрепенулся бубенчик собачий
под непролитой млечной дугой,
распекая луну и чихвоща
в ширину, в долготу, в высоту:
спится крепче, короче и проще
без оладий на постном свету.

Невдомёк пустолайке муругой,
как ночной темноте вопреки

к одуванному лунному лугу
отовсюду летят мотыльки,
и такая истома слепая
подбирается к сердцу, что те,
кто годами не спал, засыпают
и доверчиво льнут к пустоте.

4 место

[Ирина РЕМИЗОВА, Кишинев \(Молдова\). "Розы дольные"](#)

Век идёт

Алеманн ли, эллин или влах -
слов не разобрать в шмелином гуде.
В скатертных миткалевых узлах
накрепко завязанные люди
будто и не слышат: за стеной
скручивая время в рог бараний,
век идёт - то редкий, то сплошной,
пятками по крышам барабана.

Нет ему начала и конца,
просто каждый, глядя из окошка,
из его огромного лица
видит что-то - вскользь и понарошку,
подбирает имя и число:
медный глаз, пятнадцатое веко -
а потом вздыхает: "всё прошло",
и вдогонку: "ночь, фонарь, аптека...".

Век идёт и тает на лету,
обнимая тёплые скудели,
потому что жить невмоготу
в календарном гусеничном теле,
собственных не чувствуя краёв,
ни кнута не ведая, ни ига,
но по воле умных муравьёв
будучи расчисленным до мига.

Но, когда развяжется миткаль,
пленника из горсти выпуская,
встанет перед ним такая даль,
высота обрушится такая,
что, неловко прошагав квартал,

прежнего быстрее и легче втрое,
он поймёт, что век не перестал,
встанет под него - и зонт закроет.

5 место

[Елена МИРОНОВА, Нижний Тагил \(Россия\). "Ты говоришь "проснись..."](#)

* * *

дневного света обнажилось дно
ватин зимы натянут на подрамник
и этому б закончиться давно
но что-то оказалось неисправным

в застывший воздух в трещины его
врастает крышей флигелек больничный
и с каждым годом крепнет их родство
а на крылечке курят медсестрички

их голоса подхватывает двор
летит дымок и никуда не тает
и длится бесконечный разговор
в котором смерть всего лишь запятая

6 место

[Игорь ЛУКШТ, Москва \(Россия\). "Чарка на посох"](#)

На Трубеже

Полощет дева на мостках
тряпицы розовых рубах.
Чуть в дымке, в зеркале реки
белеют рук тугие стебли -
живую гладь воды колеблют
и нежных лилий хохолки.

Кувшинок круглые листья,
что блюдца, мыты и чисты...
Косит лазоревым зрачком
Алёнин глаз, как на иконе,
язями плещутся ладони
над пескариным бытиём,

полны и лунны, как сервиз,
колени под глазурью брызг.
В плетенье трав на берегу
хрустит ребёнок босоногий
румяным яблоком, и боги
покой и Трубеж берегут:

лодчонок деревянных скрип,
грачиный хор, суров и хрипл,
на сходнях стуки топоров,
лёт ласточек, высокий, вёрткий,
далёкий говорок моторки
и свежий рыбарей улов.

А в голубых тенях раки
на волнах церковка рябит,
мерцает синий куполок
людской заступницы Марии,
дробятся башенки лепные,
свод неба светел и глубок...

7 место

[Игорь ЛУКШТ, Москва \(Россия\). "Чарка на посох"](#)

Чарка на посох

Ушли, поклонившись младенцу, волхвы...
Густые снега заматают округу -
замёрзшее озеро, лодки, лачуги
и берег покаты с клоками травы.
Под хриплые вздохи студёного норда,
на землю нисходят крахмальные орды,
в утробах шурша облаков кочевых.
Печатью ложится холодный покров
на дранку бараков и золото храмов,
харчевни, жилища, кладбищенский мрамор,
на реки во льду и горбины мостов.
Прозрачна печаль, словно чарка на посох, -
всё сыплется сонно небесное просо,
мир светел, как лунь, отрешён и суров...
Испей свою чашу, калика, молчком,
нам с детства дарована тёплая доля -
петь гимны в тисках золочёной неволи
да оды слагать окровавленным ртом...

Но с нами дорога, и небо, и слово.
Но нищая муза к скитаньям готова -
кого же ты в хоженье славишь своим?

“Влекума любовью и болью, по ком
рыдает душа в долгих шелестах вьюги?
Скрипит над державой заржавленный флюгер –
всё царь, всё разбойник, всё шут с бубенцом,
то юг полыхает, то запад дымится...
И мечется сердце в багряной темнице,
и горло тревожит мольбой и стихом...
С псалтырью и хлебом, нежданы никем,
под небом высоким угрюмой отчизны
по градам и весям, от детства до тризны,
поём ли, глаголем в негромкой строке
о Боге и свете! О льве златокудром...
Пусть будет язык наш, как снег, целомудрен,
как звёздная россыпь на Млечной реке”...

Смеркается рано, мой певческий брат.
Крещение. Крепчает январская стужа -
позёмка над вёрстами дальними кружит,
и путь непокойный метелью чреват.
Лишь белая чайка, в смятенье и хладе,
над нами поводит крылом в снегопаде,
и горные крохи ей клюв серебрят.

8 место

[Ольга АНИКИНА, Сергиев Посад \(Россия\). "Напротив высоты"](#)

Церковь в Хомяково

В Хомяково маленькая церковь
над дорогой, выгнутой губой.
Золотая крепится плацента
к стенке неба, тонкой, голубой.

И, по-птичьи поджимая руки,
молча, чтобы слова не сронить,
хомяковские бредут старухи
бабку Евдокию хоронить.

А слыла когда-то Евдокия
горькою зазнобою села,

той, что трёх мужей в сороковые
у односельчанок увела.

Кто живой – об этом не помянет,
а иным теперь ответ другой.
Топчутся у церковки селяне,
над дорогой, выгнутой губой.

Дремлет небо в кучевом окладе.
Всё, что тлен – то обратится в тлен.

Лишь качнётся колокол, как платье
у округлых девичьих колен.

9 место

[Михаэль ШЕРБ, Дортмунд \(Германия\). "Техника наплыва"](#)

закат

Твой запах, свежескошенная, мёд
Движений,- полотняная, живая.
Бумажной кожи жаркий гололёд,
Песчаный берег, окоём без края.
Сгущенный жест – парное молоко,
Легко любить и уходить легко.

Нас дожимал осточертевший зной
Закат был, как любой закат – кровавый,
И город распадался на кварталы,-
Истек людьми и умер город мой.

Густой травой заросшие дворы
Раскрылись, словно створки дохлых устриц.
Не слышалось журчанье детворы
На пересохших руслах пыльных улиц.

С полудня жар крутил свою юлу,
Разглаживал асфальтные заплаты.
Измученные поиском прохлады,
Мы не в постели спали - на полу.

Казалось, круглосуточно плыло

В бесцветном небе черное свечение.

Нам помогало только ощущение,
Что худшее уже произошло...

